

Игра

От «Вед» к «Панчатанатре»

— Вот моя ставка! — сказал старший из Пандавов. — Бесценный жемчуг, добытый при пахтаньи Океана. А что ставишь ты, брат мой?

— И у меня есть драгоценные камни, — сказал Дурьодхана. — Вот моя ставка.

Тогда Шакуни, знаток игры, взял кости и бросил их.

— Выиграл, — сказал он.

— Не гордись, — сказал Юдхиштхира. — Я повышаю ставку. Сто сосудов по тысяче золотых монет, золото и серебро в слитках. Вся моя сокровищница.

По столу застучали кости.

— Я выиграл, — сказал Шакуни.

— Вот колесница, покрытая тигровой шкурой, с отличными колесами. Ее грохот напоминает раскаты грома и шум Океана. Восемь запряженных в нее коней одной масти. Их копыта не касаются земли.

— Я выиграл, — сказал Шакуни.

— Вот моя ставка, — проговорил Юдхиштхира, — тысяча возбужденных слонов с бивнями, подобными дышлам плуга. Вместе с восьмью тысячами слоновьих самок, вместе с золотыми подпругами, золотыми гирляндами.

— Я выиграл, — сказал Шакуни.

— Сто тысяч юных рабынь, искушенных в пляске и пении, с золотыми ожерельями вокруг шеи, в одеяниях, умащенных сандалом.

— Я выиграл, — сказал Шакуни.

— Остановись, царь! — вмешался в игру Видура. — Послушай, что я тебе скажу, хотя услышанное может и не пригодиться, как умирающему лекарство. Уже давно в твоём доме живет шакал, которому суждено стать причиной гибели рода Бхаратов. Это Дурьодхана. Разве ты не видишь, что

игра, которую он ведет плутовскими руками Шакуни, — обман.

— Вот твой язык выдал тебя, Видура, — молвил Дурьодхана. — Не вмешивайся в чужие дела.

— Ты много проиграл, — сказал Шакуни. — Есть ли у тебя, о Юдхиштхира, что-нибудь не проигранное.

— Да, у меня есть неисчислимое количество скота и коней, молочных коров, козлов и овец. Вот моя ставка!

— Я выиграл, — сказал Шакуни. Изменившись в лице, Юдхиштхира сказал:

— У меня есть город, страна и земля вместе с их достоянием, исключая то, что принадлежит брахманам, и сами люди, кроме брахманов. Вот моя ставка.

И снова застучали кости. Снова Шакуни, прибегнув к обману, возгласил:

— Я выиграл.

— У меня есть братья, я же старший из них. Побезденные в игре, мы будем исполнять все, что угодно господам.

— Я выиграл, — сказал Шакуни.

Юдхиштхира сидел, потрясенный проигрышем. Шакуни же сидел, потирая руки, ловкостью которых он взял то, что Кауравам никогда бы не добыть в честном бою.

— Не горюй, о Юдхиштхира. У тебя есть еще одна ставка, и ты можешь отыграться. Поставь Кришну, царевну Панчалы.

— Да, я ставлю ее, — сказал Юдхиштхира. — Не маленькую и не высокую, не слишком темную и не румяную, с глазами, подобными лепесткам осеннего лотоса, с талией тонкой, как алтарь, длинноволосую, с не слишком густым пушком на теле, увы, я ставлю на кон.

Едва были произнесены эти слова, как послышались голоса старцев: «Позор! Позор!». И собрание заволновалось. Среди царей поднялся ропот. У Бхишмы и Дроны на лбах выступил пот. Видура схватился руками за голову.

Дурьодхана, до этого сдерживавший себя, подскочил к играющим. У Карны хлынули из глаз слезы. Тогда и послышался возглас Шакуни:

— Я выиграл!

Пока Шакуни собирал и прятал кости, Дурьодхана, издевательски улыбаясь, обратился к Видуре:

— Ступай приведи сюда Драупади, высокочтимую супругу Пандавов. Пусть она немедленно явится с метлой и подметет пол. Пусть она займет место среди рабынь.

— Глупец! — воскликнул Видура. — Ты сам не видишь, что висишь над пропастью. Будучи мелюзгой, ты приводишь в ярость тигров. У тебя на голове клубок ядовитых змей. Драупади не может быть рабыней, ибо она была поставлена на кон после того, как Юдхиштхира уже не принадлежал сам себе. Умерь свою жадность. Знай, что даже сосуды из тыквы могут идти на дно, а камни плавать.

Пока Видура все это говорил, Дурьодхана дал знак своему гонцу, и тот отправился в покои супруги Пандавов. Отыскав ее, гонец сказал:

— Твой супруг проиграл тебя в кости. Теперь ты принадлежишь Дурьодхане и должна ему прислуживать, как рабыня.

— Не лги, несчастный! — воскликнула Драупади. — Не станет царевич играть на свою супругу. Разве у него не было других ставок?

— Не было, — ответил посыльный. — Ведь он сначала проиграл все свои богатства, все свое царство, своих братьев и самого себя. Ты, о высокочтимая, была его последней ставкой.

Услышав это, Драупади бросилась туда, где находились женщины слепого царя. Посыльный, погнавшись за ней, настиг ее и поволок за волосы в зал собраний.

С растрепанными волосами, в наполовину спустившемся одеянии оказалась Драупади перед мужчинами в зале собраний. Сжигаемая гневом, она произнесла слабым голосом:

— Да падет позор на всех вас! Неужто погиб нравственный закон потомков Бхараты? Где обычаи кшатриев? Вы все наблюдаете беззаконие и молчите!

Мудрецы сидели, опустив головы. Видя, что и супруги Драупади молчат, посыльный вновь схватил несчастную за волосы и потащил по полу. Кауравы же кричали: «Рабыня! Рабыня!»

— Твой вопрос сложен, — обратился к Драупади Бхиш-ма. — Конечно же, не имеющий богатств не может ставить ставку в игре. Но верно также и то, что жены должны всегда подчиняться мужьям. Не исключено, что твоему супругу не следовало вступать в игру, но он вступил в нее добровольно.

— Постой! — крикнул Бхима. — Ведь Драупади и наша жена. Не имел Юдхиштхира права играть на нее.

— Замолчи, Бхима! — воскликнул Арджуна. — Не нарушай закона сам. Никто не смеет оспаривать воли старшего брата.

— Я не понимаю, о чем идет речь, — сказал какой-то мудрец. — Женщине определен богами только один супруг. Если же у нее их несколько, она должна рассматриваться как нечестная женщина. Вполне законно, что ее привели к нам одетой или голой, все равно.

И пока шел этот спор знатоков закона, стояла Драупади в зале собраний без верхнего одеяния, дрожа, как лист смоковницы, протягивая руки к своим мужьям. Видя, что спор затянулся, Дурьодхана дал знак, чтобы с его новой рабыни совлекли сари.

Один из Кауравов схватил за конец сари и потянул к себе. Дурьодхана дико захохотал. Многие закрыли лица ладонями, чтобы не видеть позора. И вдруг хохот оборвался. Сколько ни тянул негодяй сари, ему не было конца. Материя закрыла весь пол зала, уже скрыла с глаз того, кто тянул.

И в это время послышался громовой голос Бхимы:

— Запомни этот день, Дурьодхана! Клянусь перед всем собранием, что я убью тебя вот этими руками. Убью я того, кто коснулся рукою волос нашей супруги.

Пандавы и их мать покинули зал. Они уходили в дремучие леса. Драупади последовала за ними.